К. Рогов

ДЕКАБРИСТЫ И «НЕМЦЫ»

Уже В.И.Семевский в своем классическом труде «Политические и общественные идеи декабристов» вынужден был констатировать: «Декабристы редко говорят в своих показаниях о влиянии на них немецкой литературы»[1]. Действительно, история русского германофильства, немецких интеллектуальных и культурных влияний в первой трети XIX в. пересекается с тем комплексом идей и интересов, который связывают с понятием «декабризм», лишь в весьма ограниченной степени. Поэзия Жуковского, увлечение немецкой философией и даже русский шиллеризм — все это остается, в общем, на периферии декабристского контекста. Весьма показательной в этом отношении представляется фигура А.А.Бестужева, не без оснований считающегося виднейшим представителем «декабристской» литературной критики. Так, в его статье 1823 г. почти обязательные похвалы «мечтательной поэзии Жуковского» сопровождаются примечательной оговоркой: «Можно заметить только, что он дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще наклонность к чудесному...» А о Дельвиге там же говорится, что он «одарен талантом вымысла; но, пристрастясь к германскому эмпиризму и древним формам, нередко вдается в отвлеченность». Наконец, в отзыве на «Мнемозину» В.Ф.Одоевского и В.К.Кюхельбекера, выходившую в Москве и пронизанную немецкими интеллектуальными веяниями, звучит уже ясное раздражение: «Страсть писать теории, опровергаемые самими авторами на практике, есть одна из примет нашего века, и она заглавными буквами читается в “Мнемозине”»[2]. «Мечтательность», «отвлеченность», «страсть к теориям» — традиционные характеристики немецких интеллектуальных и эстетических веяний — имеют здесь явный оттенок упрека. Также и в описанных Бестужевым его разговорах с Грибоедовым он отдает бесспорное преимущество английским поэтам (Байрон, Шекспир), не разделяя восторгов Грибоедова в отношении Гете[3]. Причем его англомания имеет в это время отчетливый политический «привкус», а увлечение немецкими авторами начинается лишь в ссылке, в Якутске, где, по его словам, он «плотно принялся за германизм»[4].

Отличная осведомленность в современной немецкой эстетической и общественно-политической жизни, даже определенное германофильство таких фигур, как Н.И.Тургенев или В.К.Кюхельбекер, — скорее биографическая проблема, чем свидетельство общей тенденции, а их литературная и общественная деятельность ни в коей мере не исчерпывается понятием «декабризм». Не слишком многочисленные факты немецких интеллектуальных интересов некоторых декабристов не меняют в целом картины, хотя вносят в нее весьма примечательные штрихи. Так, например, известно, что секретарь Союза Благоденствия С.М.Семенов изучал Канта, что вполне вписывается в интеллектуальную атмосферу Московского университета, где он учился; впрочем, его университетский товарищ отмечает, что кумирами его меж тем оставались французские энциклопедисты XVIII столетия[5]. Влияние немецких университетских профессоров, но уже петербургских (Э.-Б.Раупах, К.Ф.Герман), сказалось, очевидно, и в немецких

интересах Александра Михайловича Муравьева, упомянувшего на следствии, кроме их лекций, еще труды И.Мюллера и А.Г.Л.Герена, повлиявшие на его взгляды, а также стихотворения Шиллера, Гете и Кернера[6]. Е.П.Оболенский, который, по свидетельству декабриста Назимова, «занимался системою Шеллинга и почти о ней всегда толковал», также был близок к проф. Раупаху и, в частности, перевел с немецкого его трагедию «Князья Хованские»[7]. Однако особая роль принадлежит, конечно, лекциям проф. Германа, которые, как известно, посещали многие декабристы, а проблеме их влияния, например, на Пестеля уделялось значительное внимание в научной литературе[8]. Для нас, однако, в данном случае важно, что углубленный интерес к наукам политического цикла (история, статистика) заставлял обращаться к «немецкой» университетской науке. Так, И.Г.Бурцов, отнюдь не германофил по кругу своих интересов и пристрастий, посещая весной 1818 г. лекции того же Германа, пишет: «Я мечтаю о чужих краях, о Геттингене, о путешествии трехгодичном для приобретения познаний в тех науках, коими ныне особенно занимаюсь, в науках политических»[9].

И вместе с тем немецкие источники остаются все же на периферии декабристской «библиотеки», ориентированной по преимуществу на французские и английские политико-философские доктрины, а в воспоминаниях и следственных показаниях декабристов ссылки на немецких авторов весьма редки. Такое положение вещей заслуживает внимания, ибо интеллектуальная атмосфера, царящая, например, среди московской университетской молодежи в 1818—1825 гг., представляет разительно отличающуюся картину. Однако «немецкая тема» в декабризме отнюдь не исчерпывается этой констатацией, а связанные с ней факты и феномены, как представляется, обнаруживают себя преимущественно в плоскости не идеологии, но социальной и политической мифологии.

* * *

Вероятно, одно из наиболее экстравагантных и тенденциозных изложений истории декабристского движения принадлежит Ф.Ф.Вигелю, автору знаменитых «Записок» и целого ряда политических памфлетов, одиозной и вместе яркой фигуре общественной и литературной жизни александровской и николаевской эпох[10]. В изданной анонимно в 1844 г. за границей брошюре «Россия, завоеванная немцами», явившейся одним из ответов на известную книгу А. де Кюстина, он остроумно, почти виртуозно описывает историю России последних веков как попытку не преуспевших в фактическом ее завоевании немцев овладеть ею «изнутри», проникая во все сферы общественной и государственной жизни[11]. Эта борьба с «немецким завоеванием» и составляет, по Вигелю, основной сюжет российской политической и общественной жизни. В том же духе описана и история 14 декабря. Война 1812 года обострила ненависть к иноземцам в русском обществе, а освобождение Европы поставило русских на высокую степень национального самосознанья. Однако, вопреки ожиданиям, вторая половина царствования Александра становится новой эпохой немецкого засилья. Русские офицеры в Париже восприняли некоторые либеральные, реформистские идеи, думая применить их к России, однако «власть, исключительно терпимая в ту эпоху, не хотела здесь видеть ничего более, как блестки игры воображения, неприменимые теории, обманчивые мечты». «И

все, действительно, этим бы и ограничилось, — продолжает Вигель, — если бы не злосчастное соперничество с немцами. Молодые русские либералы подумали, что написать конституцию нетрудно и что это единственное средство избавиться от ненавистной опеки своих притеснителей». Но и тогда еще все «недовольство выражалось лишь в шутках и эпиграммах», однако назначение командиром Семеновского полка «немца», полковника Шварца, приведшее к бунту, стало началом серьезной оппозиции и конспиративных организаций[12]. Позднее Вигель дополнил эту схему еще одним идеологическим поворотом: если при своем начале движение имело в виду благородные, патриотические цели, стремясь содействовать правительству в искоренении внутренних зол, то затем верх в нем берут «немцы» (Пестель), придающие ему «немецкий», антиправительственный дух и направляющие его против российской самодержавной государственности как таковой; в этот момент большинство благородных участников движения устраняется.

Как это часто случается у Вигеля, его интерпретации, при всей их эксцентричности, весьма тонко разыгрывают топику общественной идеологии, заостряя и намеренно артикулируя те идеологемы и мифы, которые обычно остаются в подтексте. Во всяком случае, предложенная им схема, несомненно, есть прежде всего свидетельство общественной и идейной атмосферы 1840-х гг. и уже в силу этого заслуживает внимания. А тот факт, что Вигель, в 1830-е гг. исполнявший должность директора Департамента иностранных исповеданий, был заметным лицом николаевской администрации, ближайшим человеком к министру внутренних дел, а затем члену Государственного совета Д.Н.Блудову, составителю официального «Донесения следственной комиссии» по делу декабристов, и в силу этого, несомненно, был весьма осведомлен об официальных и полуофициальных версиях декабрьского мятежа — ключевого для идеологии всего николаевского царствования события, — заставляет отнестись к его построениям с особым вниманием. Кроме того, достаточно очевидно, что если закамуфлировать «немецкую» тему, то за предложенной Вигелем схемой просматриваются отголоски известных противоречий и споров внутри Союза Благоденствия, ставшие отправной точкой в тактике защиты, избранной многими декабристами на следствии: противопоставление двух этапов в истории общества и незаметная подмена первоначальных «благонамеренных» целей радикальными политическими планами.

Среди членов петербургского кружка, собиравшегося в доме Вигеля в 30-е годы, привлекают в этой связи особое внимание фигуры Сергея Павловича Шипова и Михаила Николаевича Муравьева[13]. Оба — члены раннедекабристских тайных союзов, оба достаточно рано отошли от движения и не только были полностью оправданы, но и делали при Николае успешные карьеры. Вполне возможно, что именно к ним могла восходить версия Вигеля. Во всяком случае биограф Муравьева Д.А.Кропотов, опиравшийся на рассказы самого Муравьева, рисует историю его участия в декабристских организациях весьма схожим образом, выдвигая на передний план борьбу своего героя с Пестелем в вопросах характера и целей общества, а, заметив, что радикальные взгляды преимущественно проповедовались теми, которые (в том числе Пестель) «воспитывались не в русских учебных заведениях и под руководством иноземных наставников», добавляет ниже: «В эту эпоху нередко доводилось видеть санов-

ников, занимавших важные посты, которые объяснялись по-русски подобно иностранным ремесленникам...»[14]. Упоминание «ремесленников» осторожно, но определенно обозначает остающуюся в подтексте тему «русских немцев».

* * *

Враждебность к иноземцам и, в особенности, к «русским немцам», традиционно их олицетворявшим, во время и после войны 1812 г. хорошо известный факт, зафиксированный многими мемуаристами и вписывающийся в общую картину патриотической экзальтации. Достаточно вспомнить судьбу Барклая де Толли и легендарную ерническую просьбу А.П.Ермолова царю сделать его, вместо всяких наград, «немцем» (именно эти две истории приводит в своей брошюре и Вигель)[15]. В общественном сознании послевоенной эпохи эти эпизоды хранятся как черты своеобразного «рыцарского патриотизма» (ср. известную пушкинскую характеристику Константина Павловича как нового русского царя в декабре 1825 г.: «В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V»[16]). Вполне отчетливо просматриваются эти настроения и в истории преддекабристских обществ («Священная артель», «Орден русских рыцарей»), и в пропагандистском арсенале позднего декабризма (ср. известную песню «Царь наш — немец русский», а также отмеченный в делах следствия случай агитации солдат канониром Крайниковым на юге[17]). Подобные факты упоминаются обычно — в целом, совершенно справедливо — в общем контексте «декабристского патриотизма», растворяются в нем и никак не влияют на общее представление о «просветительском» характере декабристской идеологии. Кроме того, специфичность этой темы, принадлежащей скорее сфере социальной мифологии, чем собственно идеологии, а, следовательно, скорее устному, чем письменному дискурсу, создает понятные методологические трудности.

Вполне закономерно поэтому, что наиболее отчетливо и бескомпромиссно звучат антинемецкие мотивы именно в истории ранних, преддекабристских обществ, как, например, в плане организации тайного ордена М.Ф.Орлова и М.А.Дмитриева-Мамонова. Так, рассуждая о должности монарха и выдвигая основополагающий тезис о том, что «всякий монарх только первый слуга государства», Мамонов замечает: «Но тот, кто призывает иностранцев на помощь себе и пользуется ими, чтобы угнетать свой народ, открыто объявляет себя его врагом»[18]. А в его «Пунктах преподаваемого во внутреннем Ордене учения», наряду с радикальной программой национальной унификации и панславизма (присоединение к России Венгрии, Сербии, австрийской и прусской Польши, а также других славянских земель — см. пункты 4 и 5), достойны внимания пункты 27 («Лишение иноземцев всякого влияния на дела государственные») и 44 («Конечное падение, а если возможно, смерть иноземцев, государственные посты занимающих»)[19]. Отнюдь не столь эксцентрическим может представиться на фоне этих тезисов показание П.И.Фаленберга, пришедшего уже под арестом в порыве раскаяния и душевного смятения (расценивавшегося даже как умопомешательство) к мысли о том, что главной целью общества было «изведение» всех немцев, находящихся на русской службе; тем

более что Фаленберг выражал не столько даже свое мнение, сколько соглашался с мнением некоторых своих сослуживцев[20].

Если у Мамонова подобные идеи имеют отчасти вид эксцесса, то настроения, царящие в составившейся из воспитанников муравьевского училища для колонновожатых «Священной артели», не только демонстрируют укорененность их во всей общественной атмосфере, и офицерской среде в особенности, но и теснейшим образом связаны со всем комплексом «декабристского патриотизма». Как ясно видно из писем и воспоминаний «артельщиков», атмосфера ревнивого соперничества с «немцами», сложившаяся в училище, становится затем и одним из основных сюжетов их службы в Генеральнном штабе, на Кавказе и в других местах, периодически ставя некоторых из них на грань отставки[21]. В своей переписке они именуют Петербург Петроградом (кстати, первенство здесь, кажется, принадлежит именно Михаилу Н. Муравьеву, выставлявшему это название в своих письмах с лета 1816 г., в то время как у остальных «артельщиков» оно появляется лишь в 1817 г.), среди них имеет хождение мнимый указ Алексея Михайловича против немцев, который Н.Н.Муравьев даже хотел прибить на стене своей комнаты[22]. А А.Н.Муравьев, описывая в позднейших записках разделение офицеров на «русские» и «немецкие» кружки и их соперничество, сравнивает этот процесс с органическим поведением инфузорий при слиянии двух капель воды, иллюстрируя таким образом выведенный им «закон народности», и это «натурфилософское» сравнение представляется весьма показательным[23]. Наконец, настоящий культ Ермолова и близость многих «артельщиков» к П.М.Волконскому, — известных противников «немецкой партии» в армейском руководстве, превращают эти настроения в нечто большее, чем патриотическую экзальтацию молодых людей и определяют в конечном итоге их положение и статус в армейской среде. Так, в 1815 г. Бурцов объясняет причины отсрочки своего перехода из гвардейского Генерального штаба в гусары весьма характерными настояниями Волконского: «он сказал мне одним словом, что нет его благословления на теперешний мой переход, и что он старается усилить нас на будущий год 40 русскими свитскими офицерами, которые под нашими знаменами пойдут на штурм немецкой династии»[24]. Как известно, этот армейский сюжет — противостояние «русской» и «немецкой» партий в руководстве армией, кульминацией которого явилась замена в 1823 г. П.М.Волконского в качестве начальника Генерального штаба И.И.Дибичем, находился в центре внимания многих декабристов, оказав влияние на их настроения накануне 1825 г.[25], а затем, видимо, и на ход следствия над ними. Так, И.И.Дибич, по отзывам, в ходе следствия интересовался всерьез только теми нитями заговора, которые вели к Ермолову и Раевскому (во-первых, эта линия касалась его лично, во-вторых, Дибичу была известна записка, найденная в бумагах Александра I, касательно существования тайного общества в армии, в которой упоминались Ермолов, Раевский, Киселев и М.Орлов[26]). Позднейшие же его высказывания о том, что ему так и не удалось докопаться до корней заговора, кажется, трудно интерпретировать иначе, как указание на эту армейскую «антинемецкую партию», не попавшую в конце концов под обвинение[27].

Вигелевская интерпретация декабризма несомненно и откровенно тенденциозна (как почти все, что он пишет), однако, как видно из сказанного, отнюдь не беспочвенна. Именно «артельщики» играли едва ли не клю-

чевую роль в основании Союза Спасения, а в записках И.Д.Якушкина находим чрезвычайно характерное описание самого момента его зарождения: «Один раз, Трубецкой и я, мы были у Муравьевых, Матвея и Сергея; к нам приехали Александр и Никита Муравьевы с предложением составить тайное общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в русской службе. Я знал, что Александр и его братья были врагами всякой немчизне, и сказал ему, что никак не согласен вступить в заговор против немцев. <...> После некоторых прений Александр признался, что предложение составить общество против немцев было только пробное предложение»[28]. Как это вообще довольно обычно в истории тайных обществ, понимание цели и степень серьезности тех или иных намерений оценивались разными участниками дискуссий по-разному, а стремление найти точку единства оставляло эту разность непроясненной. Полезно, однако, сопоставить это позднее свидетельство Якушкина с его же следственными показаниями: «главная цель общества вообще есть благо России <...> но пока отстранение иноземцев от влияния в Государстве было признано единственной посредственной целью, для достижения которой, сколько припомнить могу, способы никогда определены не были»[29]. Но еще более интересным кажется разительное сходство описанного Якушкиным эпизода с тем, как изображал свои отношения и происходивший в апреле 1825 г. (!) ключевой разговор с представителями тайного общества П.А.Вяземский: «Пропагандисты и вербовщики находили, между прочим, что я недостаточно ненавижу немцев и заключили, что от меня проку ожидать нечего. — Мне говорили после, что Якубович и Александр Бестужев были откомандированы в Москву, чтобы меня ощупать и испытать. Они у меня обедали. Разговор коснулся немцев в России. В продолжение споров я сказал наотрез, что не разделяю этих lieux communs, которые в ходу у нас»[30]. Общественный статус и политическое реноме Вяземского, довольно коротко к этому времени знакомого Бестужеву, не позволяют, кажется, усмотреть здесь «пробное предложение» или агитационный трюк.

Антинемецкие настроения декабристов представляются, однако, исключительно важными именно в силу того, что оказываются как бы связующим звеном, некой фокусной мифологемой, в которой бытовое (обывательское, корпоративно-армейское) недовольство обретает черты идеологии и включается в чрезвычайно серьезный и значимый идейно-политический контекст. Присутствие иностранцев на государственной службе выступает одним из коренных признаков «деспотической» императорской власти (и эту практику категорически запрещали все главные конституционные проекты декабристов), которой противопоставлена идея национальной государственности и национального единства. Именно в этом смысле допетровская эпоха русской истории в декабристской идеологии противопоставлена послепетровской. Призвание Петром «иноземцов» знаменует установление «деспотизма» вместо исконно русского правления царей, опиравшихся на боярские «думы» и «соборы», которые и были прообразом форм представительной власти. Подобные мысли находим у С.Г.Батенькова, отчетливо формулирует их П.Г.Каховский в письмах Николаю I («Петром I, убившим в отечестве все национальное, убита и слабая свобода наша»[31]). И наоборот, смысл ограничения монархии представительным правлением заключался для многих декабристов в переходе от

«деспотической» концепции «императорской власти» к концепции «монарха — главы нации». «Для Русского больно, — пишет Каховский, — не иметь нации и все заключать в одном Государе». Именно в этом контексте возникает у него понятие «внутреннего врага», стоящего между нацией и монархом: «Льстецы придворные редко скажут правду; им страшен гнев, и милость царская дороже пользы общей. У нас они большею частью иностранцы в Государстве...»[32]. Тот же образ стоящего между «нацией» и «монархом» «временщика», нарушающего их единство и чуждого их природным интересам, находим и в знаменитых филиппиках Пестеля против «аристократии».

* * *

Патриотическое воодушевление Отечественной войны и заграничного похода, как правило, упоминается и самими членами тайных обществ, и историками как чрезвычайно важная составляющая той общественной атмосферы, в которой сформировалось декабристское движение. В собственноручных показаниях С.П.Трубецкого однозначно сформулировано: «Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству» (ср. далее: «Сие худо понятое чувство любви к Отечеству составляет тайные политические общества»; также показания А.Н.Муравьева, писавшего, что его заблуждения проистекали «из ложного и превратного понятия о любви к отечеству»[33]). А в «Донесении следственной комиссии» не без изящества сказано, что многие были привлечены в общество «весьма обыкновенными филантропическими и патриотическими мыслями»[34]. Постоянное акцентирование «патриотических чувств», как главного мотива организации тайных обществ, и чрезвычайно характерная для большинства декабристов экзальтация в рассуждениях о «любви к Отечеству» (у «артельщиков» это понятие превращается в род кружковой религии, фокусируя в себе гражданские и христианские добродетели) ясно свидетельствуют, что речь идет о неком исторически конкретном комплексе идеологических и культурных представлений. С другой стороны, по всей видимости, именно этот идеологический конструкт, объединяя большинство участников тайных обществ, позволял им «снимать» очевидные и, казалось бы, принципиальные различия во взглядах (в вопросе освобождения крестьян, сохранения самодержавия, методов действий).

Концептуализация этого понятия приходится в значительной мере на эпоху антинаполеоновских войн, а идея «служения отечеству» на гражданском поприще выступает как продолжение и трансформация «военного патриотизма» (ср. столь заметную «офицерскую» доминанту всего движения). Так, уговаривая в 1817 г. Н.Н.Муравьева изменить принятому вследствие неудачного сватовства решению не возвращаться в европейскую Россию, Бурцов прямо проводит параллель настоящего положения Отечества с 1812 г., многозначительно добавляя: «Не столько опасен явный враг Государству, сколько *тайный*... <...> Свидание наше, уверяю тебя, открыло бы глаза твои на многие вещи»[35]. Однако наиболее точный исторический комментарий к метафоре «внутреннего врага», встречающейся и у других членов тайных обществ, дают признания Мих. Орлова в письме Николаю I: «Я думаю, что я первый в России задумал план тайного общества. Это было в 1814 году. Я был вполне проникнут сознанием важно-

го значения, которое Tugendbund приобрел в политике. С другой стороны, я запомнил слова императора Александра, сказавшего в Париже: "Внешние враги разбиты надолго, будем сражаться с врагами внутренними"»[36]. И категорическое утверждение о том, что «патриотизм» есть исключительный «предлог составления тайных обществ», и мотив «внутреннего врага» непосредственно отсылают к тому образу Тугендбунда, который складывается в России и который, в сущности, имплицировал тему «завоевания»: задача национального и политического возрождения в терминах «национального освобождения».

Здесь, однако, хотелось бы кратко коснуться еще одного момента, весьма немаловажного, как представляется, для понимания идейного контекста мифа о Тугендбунде и генезиса поэтики патриотического чувства, формирующейся в послевоенные годы, а именно — роли немецкой антинаполеоновской публицистики (тема эта, несомненно, заслуживает специального подробного исследования). Еще в 1807 г. в Петербурге выходят переводы немецких антинаполеоновских брошюр, в том числе двумя изданиями (!) знаменитая брошюра И.-Ф.Пальма с присовокуплением описания процесса над Пальмом и его казни[37]. Весьма вероятно, что эти издания были связаны с представленным А.Чарторыжским Александру I проектом организации антинаполеоновской кампании в прессе, предполагавшим опору на немецкую публицистику[38]. Во всяком случае, переводчик, только что начавший служить по цензурному ведомству Н.И.Греч, получил за свой труд подарок от государя[39], а годом позже становится одним из редакторов журнала «Гений времен», издававшегося петербургским немцем Федором Андреевичем (Фридрихом Енохом) Шредером[40]. (Весьма примечательно, что и Греч, и Шредер принадлежат к петербургской немецкой интеллигенции и в то же время близки к кругам Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.) Острая антинаполеоновская направленность этого по сути политического журнала в 1807—нач. 1808 г. сочетается с особенным сочувствием к «униженным» немецким землям, а само его название, очевидно, является отсылкой к знаменитому изданию Э.М.Арндта «Geist der Zeit». Кроме того, наполняющие его переводы статей Г.Меркеля и А.Коцебу соседствуют с рассуждениями самого Шредера о том, что для России в европейской политике пропрусская ориентация всегда была предпочтительной, и — что особенно примечательно — весьма ранними примерами мифологизации роли России в политическом и нравственном будущем Европы. Так, описывая разрушительное движение Наполеона, Шредер, подразумевая русских, пишет: «Наконец, встречен он таким народом, который славится духом национального единомыслия, который <...> начинает шествовать на высшую ступень совершенства, и следовательно не томится еще *злом, происходящим от застарелости...*»[41]. (Именно мотив предстоящего политического «будущего» сближает Россию и Германию в противопоставлении прочим государствам Европы.) Наконец, в продолжение этой темы, в № 47 журнала за 1807 г. помещен первый перевод на русский язык знаменитой характеристики славянских племен из 16-й книги «Идей к философии истории человечества» Гердера[42].

Этот ранний эпизод очевидным образом предваряет тот идеологический и публицистический русско-немецкий альянс, который вполне сложился в 1812—1813 гг. Влияние Г.-Ф.-К.Штейна и Арндта на содержание мани-

фестов Александра I, а также на осмысление войны 1812 г. как «отечественной» и официальное признание этой концепции (вопреки мнению «старой» русской партии) не раз обсуждалось историками[43]. Весьма характерна в этом отношении и история основания «Сына Отечества»: все тот же Греч через своего начальника по цензурном ведомству И.О.Тимковского получает указание С.С.Уварова срочно перевести «Глас истины» Арндта, и этот перевод составил первый выпуск русского патриотического журнала, настоятельная необходимость которого обсуждалась уже некоторое время (в последующих номерах напечатаны и другие отрывки из «Geist der Zeit»)[44]. Рисуя патриотическое воодушевление 1812 г., Вигель в своих «Записках», упомянув роль «немцев» — Арндта и Греча — в основании «Сына Отечества», так описывает произведенное его первыми номерами впечатление: «читал я с жадностью жиденькие книжки его, исполненные выразительных, даже бешенных статей»[45]. Кроме того в качестве ударных материалов русских журналов 1812—1813 гг. появляются статьи и воззвания Г.Меркеля, одно из которых было переведено на русский Державиным[46]. А если добавить также выходившие в Петербурге немецкие сочинения Арндта и — в русском переводе — брошюры Теодора Фабера и Э.-Б.Раупаха[47], то контуры этого немецкого слоя русской патриотической публицистики военного времени вырисовываются довольно отчетливо.

Эмоциональный накал немецкой антинаполеоновской публицистики определялся, однако, несколько иными историческими обстоятельствами и иным идейным контекстом, в котором идея «национального единения» представала как необходимое условие политического бытия. В полной мере патриотическая риторика, опиравшаяся на идеи «национального суверенитета», была развернута в процессе освобождения немецких земель в 1813 г., когда влияние Штейна и Арндта на пропагандистскую кампанию стало решающим[48] и когда эти идеи получили непосредственно политический смысл и конкретизацию в прямых обещаниях нового политического устройства. Не только атмосфера национального воодушевления («...Сильная армия собиралась в Силезии. Там стекались под Прусские знамена пылкие юноши из Университетов: Геттингена, Иены, Лейпцига, с пламенным усердием умереть за независимость Германии»[49]), но и ожидание этого грядущего передела в политическом устройстве немецких земель отмечалось многими декабристами как важный момент формирования их взглядов (ср., например, показание М.Муравьева, что «прокламации союзных держав в 1813 году, предлагавшие народам Германии представительное правление, вместо награды за их усилие, обратили» его внимание к политическим материям[50]). И немецкая патриотическая публицистика военного времени сыграла, несомненно, немалую роль в сочувствии русских офицеров идее германского национального единства, а в более широком плане — в формировании поэтики и идеологии декабристского «патриотизма».

* * *

Мысль о том, что именно немецкие тайные союзы начала XIX в. явились образцом русских тайных обществ 1815—1825 гг., а устав Тугендбунда лег в основу устава Союза Благоденствия, была высказана уже в «Донесении следственной комиссии» и строго опиралась на следственные показания самих декабристов. «В 1816 году несколько молодых людей, возвратясь

из-за границы <...> и знав о бывших тогда в Германии тайных обществах с политической целью, вздумали завести в России нечто подобное. <...> Главные черты сего законоположения Союза благоденствия, разделение, замечательнейшие мысли и самый слог ясно показывают, что оно есть подражание и даже большою частью перевод с немецкого»[51]. Здесь лишь обобщена картина, складывающаяся из весьма схожих на этот счет показаний С.П.Трубецкого, С.Волконского, И.Д.Якушкина, А.Н.Муравьева, П.И.Пестеля, Ф.П.Шаховского, В.И.Штейнгеля. Однако уже сами декабристы почувствовали умысел в такой констатации, приписывавшей образование тайных обществ «духу подражания». С другой стороны, первые же исследования на эту тему показали отрывочность и неадекватность их знаний и представлений о Тугендбунде, а переведенный с немецкого «устав» оказался лишь первой частью его первой редакции[52].

Большинство декабристов «военного» поколения указали на свое пребывание в Германии в 1813—1816 гг. как на источник знаний о немецких тайных обществах (Штейнгель, Якушкин и др., ср. решительное показание А.Н.Муравьева: «Мы все, бывшие в Германии, во время войны, знали о существовании Тугендбунда...»[53]). Контакты с деятелями тайных обществ русских офицеров и влияние на них «тенденции, так называемого, Тугендбунда» отмечались и в донесениях армейских командиров[54], и позднее — в следственных показаниях декабристов. С.Волконский, указавший здесь, что «первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с воисками по разным местам Германии, и по сношением моим с разными частными лицами тех мест где находился», расшифровал это свидетельство позднее в «Записках»: «Я имел по службе частные сношения с Юстусом Грунером, сподвижником знаменитого Штейна, которого, хоть не по военным обстоятельствам, но по толчку, данному им народному элементу, можно Штейна назвать возродителем Германии в точном смысле единства, которым тогда воспользовались для вооружения нации, полагающей двинуться дружной массой на общее ее освобождение. Но, воспользовавшись этим движением, вскоре это владыками было забыто, и старый лад управления без единства народных прав и обязанностей был водворен. Я с Юстусом Грунером не только по службе, но имел и частные светские сношения, и в этих разговорах получил я более познания о обязанностях гражданина к отечеству»[55].

Такое сцепление мотивов очень характерно для представлений о Тугендбунде, которые, несмотря на фрагментарность и неточность фактических сведений, в декабристской среде удивительно устойчивы и однотипны (это тем более любопытно, что существовали довольно надежные источники информации; так, Н.И.Тургенев слышал от Штейна несколько иное мнение об истинных масштабах и значении немецкого союза[56] и едва ли скрывал суть этого важного свидетельства, а однако же оно явно не оказало большого влияния на общественный миф о Тугендбунде). С.Трубецкой показывал, что «основанием» устава Союза Благоденствия был устав Тугендбунда, «которому приписывали ополчение Шиля, и после того в 1813-м году скорое восстание Пруссии против французов, общества коего начальником почитали известного Министра Штейна и в числе членов коего считали Гнезенау и многих других известных людей»[57]. Некоторые мотивы, акценты и имена могут варьироваться, но в целом из свидетельств и замечаний декабристов складывается вполне целостная и картина. Тугендбунд

образован в противодействие наполеоновскому господству, но его патриотическая идея не ограничивается освобождением немецких земель и имеет более глубокую перспективу «возрождения Германии в точном смысле единства», при этом практически все проявления патриотического антинаполеоновского движения в Германии и все его деятели связаны, по мнению русских заговорщиков, с Тугендбундом, которому покровительствует или, по меньшей мере, сочувствует сам король. В ситуации политической несамостоятельности немецких государств Тугендбунд, таким образом, оказывается носителем идеи «национального суверенитета» («права народности», как сформулировано в «Русской Правде» Пестеля).

Тот факт, что степень осведомленности и сочувствия правительства тайному обществу по-разному обрисована в разных свидетельствах, сам по себе весьма характерен: недостаток определенных сведений на этот счет лишь оттеняет внутреннее убеждение декабристов в наличии такого тайного сочувствия и подчеркивает принципиальность этого мотива в их понимании тайного общества как института, а кроме того поясняет мелькающие в их показаниях и мемуарах упоминания о намерении представить устав своего общества на одобрение государя (Мих.Орлов, сообщая об этом Николаю I, прямо ссылается на одобрение Тугендбунда прусским королем[58]). Более того, ощущение единомыслия и даже «сочувствия» со стороны правительства в первые послевоенные годы, инициировавшее начало тайных обществ (см. приведенную выше ссылку М.Орлова на слова Александра I о «внутренних врагах»; также у Н.Тургенева: «... русское правительство в то время внушало вообще так мало недоверия и, по-видимому, было даже так расположено поощрять спасительные преобразования, что основатели общества рассуждали о том, не следует ли им *просить о содействии правительства*»[59]), и последующая «измена» Александра I прежним мыслям и намерениям составляют едва ли не центральный сюжет рассказов декабристов об истории тайных обществ (ср., например: «Сначала, действуя в этом смысле, они основывались на намерениях самого покойного императора Александра; но потом, когда он изменил им и предался реакции, то решились образовать тайные общества...»[60]) — сюжет, который фактически является парафразом сложившегося в декабристской среде взгляда на историю Тугендбунда.

* * *

По всей видимости, наряду с личными впечатлениями и контактами во время заграничных походов, весьма существенным моментом в формировании представлений об истории и характере Тугендбунда, явилась также полемика о нем в немецкой прессе в 1814—1815 гг. и последовавший затем в январе 1816 г. запрещающий любые тайные общества указ короля. Собственно, мысль о том, что Тугендбунд, много способствовавший освобождению отечества, после того, как оно свершилось, стал скорее приносить вред, нежели пользу, отозвавшаяся в инвективах декабристов, была прямо высказана в указе, тогда же перепечатанном в «Conservateur Impartial» и, несомненно, известном большинству декабристов. С другой стороны, свидетельством того, что немецкая пресса послевоенных лет была важным источником формирования декабристских взглядов, является хотя бы тот факт, что напечатанные в немецких журналах фрагменты устава

Тугендбунда легли в основу их собственного проекта. О знакомстве с сочинениями немецких публицистов упоминают в своих показаниях Валер. Голицын и М.Фонвизин (о глубокой осведомленности в политической и общественной жизни Германии свидетельствуют и позднейшие мемуарные сочинения Фонвизина)[61]. Наконец, появившиеся в 1815 г. брошюры о Тугендбунде были посланы Н.Тургеневым С.И.Тургеневу весной 1816 г. и стали предметом обсуждения в их переписке[62]. Причем, именно брошюры Х.Г.Шмальца и Б.Нибура, направленные против Тугендбунда и института тайных обществ как такового, а потому стремящиеся представить его как всемогущую организацию, Staat im Staaten (выражение Нибура), угрожающую всякой государственности и обществу в целом, находятся в центре внимания и обсуждения.

По всей видимости, отразившийся в этих брошюрах и указе короля взгляд сыграл существенную роль в мифологизации Тугендбунда и формировании того двойственного облика его, который просматривается в высказываниях декабристов: вызывающий общее сочувствие и даже пользующийся покровительством короля союз патриотов, содействующий *общей* цели — с одной стороны, и всемогущая тайная организация, построенная на принципах жесточайшей конспирации и дисциплины — с другой. Причем, этот второй образ отчасти сливался с представлениями об «ордене иллюминатов», интерес к которому и, в особенности, к самому Адаму Вейсгаупту, параллельно развивается в среде декабристов[63]. Чрезвычайно показательно в этом смысле поручение Пестеля Барятинскому, Крюкову и Ивашеву сделать выписки «из сочинения Баррюеля о Вейсхауптовом тайном обществе», т.е. из *полемической* книги О.Баррюеля, рисовавшей картину огромного и могущественного заговора «просветителей», отраслями которого представали философские салоны XVIII в., якобинские клубы и масонские ложи[64]. Не в меньшей степени, очевидно, этот созданный полемической литературой образ всемогущего «тайного союза» по примеру Вейсгаупта влиял и на представления правительства о русских тайных обществах; так, экземпляр устава Союза Благоденствия был представлен в 1822 г. Александру I с параллелями из книг «Подлинные писания ордена иллюминатов» и «Полная история гонения иллюминатов в Баварии», а уже в ходе следствия по прямому указанию Николая I было предпринято специальное тщательное разбирательство в отношении возможных связей декабристов с иллюминатами[65].

Этому двойственному образу «тайного общества» соответствует, по нашему мнению, двойственность отношения к этому институту, довольно характерная для многих декабристов. Мотивы этой двойственности пытается объяснить в своей книге Н.Тургенев (ср., в частности, здесь: «я сказал бы, что вообще меня всегда скорее отталкивали, нежели привлекали всякого рода тайные общества»), а его реакция на некоторые пункты устава Тугендбунда и обсуждение брошюр Шмальца и Нибура в переписке с С.И.Тургеневым заставляют предположить, что формировалось подобное отношение еще в конце 1810-х гг.[66] Однако это противоречивое отношение к институту тайных обществ, непосредственно коррелирующее с двойственным образом Тугендбунда, вполне характерно, кажется, и для гораздо более последовательных конспираторов.

Необыкновенно интересным в этом смысле представляется свидетельство Н.И.Лорера, согласно которому, в ноябре 1825 г. Пестель говорил ему,

что общество бездействует, члены его охладевают к избранной цели, а государь извещен о его существовании, а потому Пестель решил «принесть государю свою повинную голову с тем намерением, чтоб он внял настоятельной необходимости разрушить общество, предупредив его развитие (выделено мной. — *К.Р.*) *дарованием России тех уложений и прав, каких мы добиваемся*». «Сам же государь Александр, — продолжает Пестель, — с 1817 года, видимо, изменил свое либеральное направление, поддавшись совершенно Меттерниху, который напевает ему, что добротою, снисходительностью можно только потрясти троны и разрушить их... Прусский король, много обещавший и ничего не исполнивший, небось, когда ему приходилось плохо, сам был главою в [18]13 и [18]14 году своего Tugendbund'а, а теперь и он охладел»[67]. Парадоксальная готовность «якобинца» Пестеля в ноябре 1825 г. доверить государю планы переустройства, немедленно превратившись из Робеспьера в маркиза Позу, и — особенно замечательное — ясно выразившееся здесь сознание общественной опасности тайных обществ, готовность встать на точку зрения правительств в отношении к ним кажутся более понятными в контексте того комплекса представлений о Тугендбунде, о котором говорилось выше и который в значительной степени сформировал представления декабристов о тайном обществе как политическом институте.

Переданные Лорером рассуждения Пестеля отнюдь не уникальный эпизод, которому можно было бы искать психологическое толкование. В ходе следствия М.П.Бестужев-Рюмин в объяснительной записке «Relations avec les Polonais», рассуждая о распространении тайных обществ, писал: «... знаменитый Тугендбунд, который помог Германии сбросить иго Наполеона, потеряв покровительство государей, разбился на множество тайных обществ, которые, как религиозные секты средних веков, важны лишь потому, что их преследуют». И указывал далее на легкую возможность нейтрализовать деятельность таких обществ как в Германии, так и в России, исполнив часть провозглашенных ими целей[68]. В сущности, готовность перейти на точку зрения государства продемонстрировало во время следствия едва ли не большинство декабристов, желая встать на степень искренности с Николаем I, объяснив причину образования тайных обществ, а рассуждения многих из них о бесполезности и опасности тайных обществ едва ли можно объяснять исключительно демонстрацией раскаяния (по всей видимости, в том же ряду следует рассматривать и факты двусмысленного поведения некоторых декабристов еще накануне и в самый день восстания). За всеми этими явлениями, как представляется, стоит тот сложный комплекс отношения членов тайных обществ к правительству, который фокусировался в истории Тугендбунда: образовавшееся в ситуации «сочувствия» и единомыслия с правительством, тайное общество оказывается затем «покинуто», «предано» им, поставлено им в положение «заговорщиков».

* * *

В 1870 г. декабрист П.Н.Свистунов выступил с резкими возражениями против мемуарных сочинений А.Е.Розена, в которых подчеркивался федералистский настрой декабристов. В подтверждение горячей приверженности абсолютного большинства идее национального единства и всеобщей русификации Свистунов ссылался на почти полное отсутст-

вие среди декабристов «русских немцев», однако принужден был при этом делать множество оговорок, объясняя, почему не считает «немцами» многих видных деятелей тайных обществ, носивших немецкие фамилии. С другой стороны, заблуждался, несомненно, и Розен, исходивший из специфической своей «остзейской» идентификации и приписавший Пестелю федералистские убеждения[69]. Меж тем наметившаяся в этой полемике связь проблемы «русских немцев» с представлениями о типе будущего государственного устройства представляется очень примечательной. С точки зрения «унитариста», среди декабристов (вопреки очевидности) не было и не могло быть «русских немцев», в то время как в представлении «федералиста», напротив, видная роль «русских немцев» в истории движения выглядит принципиально важной. Как известно, вопреки этой, принимаемой обоими участниками спора дистрибуции, именно Пестель был одним из самых последовательных и твердых идеологов русификации и унитаризма, что в полной мере отразилось в «Русской Правде».

Любопытный эпизод, фокусирующий многослойность темы «русских немцев» и рельефно обозначающий ее неслучайность и остроту, находим в «Записках» Д.Завалишина, описавшего полемику вокруг предложения ввести в состав будущего «временного верховного правления» одного «немца»: «Этот пункт был впрочем самый спорный. <...> Большинство в тайном обществе стояло за ту точку зрения, что коль скоро Россия приобретет все права свободного народа, то для других национальностей <...> не может уже ничего быть желаннее и выгоднее, как иметь честь считаться и сделаться вполне русскими. Но именно поэтому-то, возражали другие, и нам надобно показать, что и мы со своей стороны считаем их вполне русскими <...> Конечно, были и такие, которые до того увлекались в исключительность, что требовали, чтоб в самом манифесте о перевороте выразиться резко и грозно против немцев и даже требовать от них перемены фамилии на русскую. Замечательно, что из числа самых горячих защитников подобного мнения были именно обрусевшие немцы»[70]. Трудно дать сегодня достаточный фактический комментарий этого пассажа, однако нет, кажется, и особых оснований сомневаться, что нечто похожее имело место. При этом наиболее характерной чертой спора представляется совершенная убежденность всех его участников в том, что после перемены правления национальная ситуация в России *меняется*, а все сформулированные позиции находятся в рамках общей концепции «революционной нации»: перемена правления мыслится как акт *национальной регенерации*, а обретение подданными нового гражданского состояния меняет национальную ситуацию в империи. Различие же двух точек зрения на проблему — мягкой и жесткой — также может быть соотнесено с тем, как мыслилось ее решение во времена французской революции: у Сиеса, например, — с одной стороны (законодательно закрепленный акт национального согласия и единство легислатуры уже превращает всех в единую нацию), и в якобинском варианте (единство нации необходимо обеспечить также специальными декретами) — с другой. Именно эта, общая для большинства концепция «революционной нации» акцентировала ту ролевую функцию, которую можно обозначить как «парадокс Пестеля» и которая превращала биографический факт в идеологический жест.

Наиболее известные в декабристском движении представители этого типа «немца-патриота» — Пестель и Кюхельбекер, очевидно, были не одино-

ки, и пополнить список не позволяет лишь слабое знание реальных взглядов и настроений декабристов «второго ряда», ограниченное преимущественно следственными показаниями. И Пестель, и Кюхельбекер происходят из немецких фамилий, находящихся в русской службе (Пестель в третьем поколении, Кюхельбекер во втором), оба они получили начальное образование в немецких учебных заведениях (П.И.Пестель и его брат находились в Германии с 1805 по 1809 гг.; вспомним, что этот факт подчеркивал и Кропотов в биографии Муравьева). В Лицее Кюхельбекер — «немец» и, вразрез с господствующим вкусом, германофил; именно роль «немца» и очевидные немецкие источники лежат в основе его раннего литературного русофильства, а его близкий товарищ А.Дельвиг, сообщая в журнале о его сочинении «Versüch über die alter russische Poesie», без всяких оговорок представляет его как «немца» («Автор сей книги <...> воспитывался в России между Русскими и знает так хорошо наш язык, что часто <...> принимается за перо и довольно приятно изъясняется стихами»[71]). Однако уже через несколько лет Кюхельбекер является радикальным русофилом, причем его однозначно русская идентификация лингвоцентрична, а источник ее — представление о *субстанциональном* выражении в языке «национального духа». К середине 1820-х гг. Кюхельбекер начинает «жестоко преследовать галлицизмы, германизмы и все слова нерусские», призывая писателей «сбросить поносные цепи немецкие», а также предпринимает попытки онтологизировать «языковую утопию» («Мечта его была принять на себя... русский народный костюм»[72]). Наконец, свое участие в обществе он объясняет на следствии тем, что «взирая на блистательные качества, которыми Бог одарил народ Русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного <...> душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, отпадет, не принесши никакого плода в нравственном мире!»[73]. При этом современники ясно различают немецкие источники его радикального литературного русофильства (ср. Н.М.Языков в 1825 г.: «Кюхельбекер, кажется, корчит русского Лессинга или Шлегеля»[74]), а сам Кюхельбекер признается на следствии, что «руководствовался <...> в Словесности и Эстетике с начала правилами Французской школы <...> Но в последствии оставил их вовсе и держался преимущественно Немцев, особенно же Шеллинга, Шлегеля и Лессинга»[75]. Но особенно примечательным представляется то, что, несмотря на свое радикальное, декларативное русофильство, Кюхельбекер, как свидетельствует его «Дневник», не только остается правоверным лютеранином и интересуется новейшими протестантскими писателями и проповедниками, но и связанная с религиозной жизнью его поэзия остается немецкоязычной.

В биографии и эволюции Пестеля можно найти много схожего. С одной стороны, домашняя немецкая атмосфера и отрочество, проведенное в Германии, с другой — радикальное русофильство его политических проектов. Требование мононациональности и унификации было смело теоретически разработано Пестелем (см. раздел «Право народности» в «Русской Правде»), а его «Словники» намечали целую программу переименования общественной и политической реальности по древнерусскому образцу. Именно эта лингвистическая утопия выступала в качестве языка той национальной государственности, которая станет результатом переворота (вполне замечательно при этом, что, не до конца уверенный в своем рус-

ском языке, Пестель обращался к Юшневскому за помощью в редактировании «Русской Правды»)[76]. И в то же время Пестель летом 1825 г. читает современных немецких проповедников и обсуждает религиозные вопросы и впечатления от этого чтения с родными[77]. Как и в случае Кюхельбекера, при радикализации *идеологического* русофильства сохраняется этот домашне-лютеранский пласт, эти два уровня не соприкасаются, не вступают в конфликт и, напротив, именно их параллельное сосуществование формирует контур личности.

Отразившаяся здесь биографическая коллизия, как представляется, непосредственно коррелирует с концепцией «революционной нации», в рамках которой национальная идентификация становится вопросом идейного и гражданского выбора. Более того — таковой она оказывается фактически *для всего населения* (стать «вполне русскими»), утрачивая свой рутинный, вне-ментальный характер. И в этой ситуации почти неизбежная эмоциональная эмфаза и идеологический характер русской идентификации «русского немца» предстают в качестве своеобразного примера подобного выбора. Весьма рельефно и отчетливо этот комплекс отразился в воззрениях другого «русского немца» (на этот раз — остзейца) Т.Э.Бока, формально не связанного с тайными обществами, но с основанием причисляемого к декабризму как общественно-политической идеологии. Находясь при штабе Барклая, Бок возмущается, что там «не услышишь никакого другого языка, кроме немецкого». «Если допустить пристрастие, то уж конечно к большинству нации, — пишет он, обосновывая свое решение покинуть штаб. — Я даже не хочу иметь вид человека, ставящего себя, как Лифляндец, в оппозицию к остальной части нации. Как дворянин, я горжусь, что мои предки были древние рыцари, как гражданин, я никогда не буду ничем другим, как самым закоренелым русским»[78]. Приверженность к «большинству нации» имеет при этом у Бока существенный историософский подтекст: о своем преподавателе, известном историке А.Х.Лерберге, Бок писал, что тому следовало указать своим ученикам «на могущественный, юный народ, который в будущем благотворит род человеческий, дабы больной Запад стал подражать этому младенчески беспорочному народу»[79]. Наконец, в предполагаемом обращении к ландтагу, посланном Александру I, Бок разворачивает концепцию переустройства российской государственности на принципах национальной дворянской демократии, замечая при этом своим предполагаемым слушателям — остзейским немцам: «Если мы громко и единодушно объявим себя неотъемлемой частью русского дворянства, <...> то мы не только вольемся в ряды национального государства, но и станем некоторым образом во главе его в силу древности наших конституционных прав, от которых мы никогда не отказывались»[80]. Необходимость отказа в пользу «большинства нации» (ср. аналогичные рассуждения Пестеля в «Русской Правде») продиктована потребностью составить единое «национальное тело», объединяющее дворянство и монарха на основе закрепленных ими взаимных прав и обязанностей, и именно остзейское дворянство призвано сыграть здесь отчасти жертвенную, но и уникальную роль.

* * *

Представление о том, что «мононациональность» является непременным условием «национальной государственности» и противопоставлена «им-

перской», — либо слабой, либо «деспотической», также в значительной степени связано с уроками «немецкого патриотизма» и немецких идеологов эпохи антинаполеоновских войн (в частности, Арндта) и отразилось в политическом сознании не только декабристской, но и последующей эпохи в противопоставлении Германии и Австрии (ср. в книге Н.Тургенева: «Перед германскими государствами стоит задача утвердить свою национальность, дать ей преобладающее значение; Австрия задается целью разрушать национальности...»[81]). Весьма показателен в этом отношении пересказанный С.Волконским слух о представленных вскоре после войны Александру I мнениях относительно будущего устройства Польши. Согласно Волконскому, Разумовский и Штакельберг повторяют «любимую мысль» государя о том, что Польша должна войти в состав России в качестве отдельного королевства. «Штейн же против, и при сильных доводах, а если уже решено будет соединение — не как одельного королевства, а как губернии, входящей в состав коренной России. Русские, из видов угодливости, навязывали петлю России, а немец отстаивал прямые выгоды России...». Слух тем более знаменателен, что по сути не соответствовал действительности[82]: Штейну приписывается решение, казавшееся правильным самому Волконскому и многим другим деятелям русских тайных обществ и соответствовавшее их представлениям об основной идее «немецкого патриотизма». Наконец, принципиальное значение и острая дискуссионность вопроса о мононациональности отразились в возражениях члена Общества Соединенных славян М.Спиридова на «Государственный завет», в которых он указывал на нелепость и невозможность того, что, согласно «Завету», «все названия племен народов, составляющие Российское Государство, уничтожались и принимали название Русских», а уже непосредственно из этого делал вывод о необходимости монархии как единственного средства придать разноплеменному государству характер единства[83]. Эта корреляция вопроса о форме правления и политическом устройстве с проблемой мононациональности составляет не бытовой, идейный контекст антинемецких настроений декабристов, а, с другой стороны, формируется под непосредственным влиянием той идеологии «национального суверенитета», которая в значительной степени аккумулирована была в сложившемся у русских заговорщиков образе Тугендбунда.

Вполне закономерно, что именно эти мотивы оказывались актуальны в последующую эпоху, отразившись и в построениях Вигеля, и — что гораздо более существенно — в неизменной и явно преувеличенной настороженности властей по отношению к московским славянофильским кругам в 1840-е годы. М.П.Погодин записал в своем «Дневнике» под 2 января 1845 г.: «Рассказы Аксак<ова> об опасениях Правительства по поводу глуп<ых> мурмолок, о действ<иях> Строганова и проч. — ». Еще тревожнее запись от 15 января: «Ввечеру у Язык<ова> и слух о подозрениях, накликаных глупыми болтунами». Наконец, 17 января: «Шев<ырев> рассказывал о своем и Хомяк<ова> разговоре со Стр<огановым>. — Нет ли у них заговора, вроде 14 дек<абря>»[84]. Смысл последней записи ясен лишь в контексте предыдущих: подозрения в «заговоре, вроде 14 декабря» связаны именно со славянофильским кругом, а не с либералами-западниками, как можно было бы предположить. Подобный взгляд на московский «патриотизм» едва ли был свойственен попечителю Московского учебного округа Строганову, хорошо лично знавшему «подозреваемых», но вос-

ходил, по всей видимости, непосредственно к Николаю I и его ближайшему окружению, о чем Строганов в данном случае и стремился предупредить москвичей. Прямым подтверждением этого может служить, в частности, разговор посаженного за свои «Рижские письма» в крепость Ю.Ф.Самарина с царем: «Вы прямо метили на правительство; вы хотели сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы все окружены Немцами и потому сами Немцы. Понимаете, к чему вы пришли: вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря»[85]. Самаринский антинемецкий патриотизм обретает для Николая отчетливое политическое звучание именно благодаря «декабристской» проекции.

Несомненно, либеральные идеи и тот круг политико-философских концепций, который связывается с наследием «просветительской» эпохи, играл преимущественную роль в общественно-политических воззрениях деятелей тайных обществ, определяя, в особенности, наиболее отрефлектированные, наиболее разработанные элементы их политической идеологии. И вместе с тем атмосфера декабристского экзальтированного патриотизма, инициировавшего всеобщее политическое возбуждение и политическую «жертвенность», а, главное, сам феномен «тайных обществ» в России 1815—1825 гг., необычайная популярность идеи «тайного союза» едва ли могут быть вполне поняты вне описанного выше комплекса идей и представлений. Весьма далекий от декабристских кругов и декабристского идейного контекста студент московского университета М.П.Погодин делает в своем дневнике за 1820—1822 гг. ряд записей, вполне наглядно, как кажется, представляющих этот популярный комплекс мыслей и идейный фон мысли о «тайном обществе». Враг французских учителей, он еще в июле 1820 г., вообразив «себя на несколько часов Государем», хочет издать указ об изгнании иностранцев из России, а чуть позже записывает: «Давно думаю я, как бы составить общество, которое бы имело целию войну с этой челядью французскою». Через несколько дней, обсуждая эту идею со своим ближайшим товарищем А.М.Кубаревым, Погодин обнажает и более глубокий и опасный политический ее подтекст: «Был у Кубарева... — Об Обществе сынов отечества; — Ему досадно, что у нас на ... Немцы. Будучи 14 лет или еще раньше, я жалел об этом. — [С корнем вон.] — Кто у нас воспитывает Государей? — Иностранцы. — Говорили об обществе с Бычковым <...>» Сознательный пропуск в третьей фразе следует, видимо, читать как «на троне Немцы». Эти настроения постоянно мелькают у Погодина и в дальнейшем (ср. 2 апреля 1821 г.: «Говорил с Шир<аем>, Куб<аревым> и Ст<р>ин<евским> о Немцах в России...»), а политические «либеральные» разговоры постоянно выходят на тему «иностранцев» (4 апреля 1822 г.: «<...> к Давыдову — у него завтракал — говорил о невежестве нашего дворянства, о рабстве, об иностранцах в России, Дав<ыдов> рассуждает либерально») и актуализируют мотив «тайного союза» (15 мая 1822 г.: «<...> — Заходил к Гусеву — <...> — Говор<ил> с ним о настоящем положении России, о упадке просвещения, о братском обществе Студентов, которые бы действовали везде где могли [к благу отечест<ва>] посеянию лучшего образа мыслей, распространению просвещения. — <...>»)[86]. Идея «тайного общества», имплицировавшая образ Тугендбунда, почти с неизбежностью осложняла популярные либеральные идеи «патриотическими» мотивами борьбы с «русскими немцами».

Примечания

1 *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 233 (далее – *Семевский*).

2 *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 530, 534, 555.

3 Воспоминания Бестужевых / Ред., статья и коммент. М.К.Азадовского. М.; Л.,1951. С. 524–526.

4 Воспоминания Бестужевых. С. 804–805. Ср. в его письме Вяземскому 1824 г.: «Еще, я зарылся теперь в богатом руднике английской литературы и особенно английской политики, потому что я хорошо разумею уже богатый язык богатейшего и свободнейшего из народов» (Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. С. 217; далее – *ЛН* с указ. тома и страницы).

5 См.: *Семевский.* С. 233; Восстание Декабристов. Материалы и документы. М., 1984. Т. XVIII (далее – *ВД* с указанием тома и страницы); Записки Д.Н.Свербеева (1799–1826). М., 1899. Т. 2. С. 105–108.

6 *ВД.* XIV. С. 395.

7 *ВД.* XV. С. 195–196; *Семевский.* С. 219; *Азадовский М.К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор // *ЛН.* Т. 59. С. 712.

8 См., например, раздел «П.И.Пестель и К.Ф.Герман (К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля)» в кн.: *Сыроечковский Б.Е.* Из истории движения декабристов. М., 1969.

9 Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н.Н.Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1. С. 136.

10 О Вигеле и его литературной деятельности см.: *Вигель Ф.Ф.* Записки / Подг. текста и коммент. С.Я.Штрайха. Т. 1–2. М., 1928 и, в особенности, недавнюю работу – *Ильин-Томич А.А.* К истории эпистолярных отношений Ф.Ф.Вигеля // Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана / Ed. by K.Polivanov, I.Shevelenko, A.Ustinov. Stanford, 1994. P. 223–234. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8.)

11 La Russie envahie par les Allemands. Notes recueillies par un vieux soldat, qui n'est ni pair de France, ni diplomate, ni député. Paris: Renouard; Leipzig, 1844.

12 La Russie envahie par les Allemands. P. 102–105.

13 См. письмо Вигеля М.Н.Загоскину от 31 мая 1836 (*Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2).

14 *Кропотов Д.А.* Жизнь графа М.Н.Муравьева, в связи с событиями его времени... СПб., 1874. С. 174. Этот пассаж вызвал естественное негодование другого декабриста, А.Е.Розена, возражавшего на него весьма эмоционально, но не сумевшего опровергнуть примеров Кропотова (*Розен А.Е.* М.Н.Муравьев и его участие в тайном обществе. 1816–1821 // Русская старина. 1884. Т. XLI. С. 65 (далее – *РС*)). Концепция Кропотова (а точнее – Муравьева–Кропотова) о степени, характере и мотивах участия М.Н.Муравьева в тайном обществе подверглась критике и историков декабризма (см.: *Щеголев П.Е.* Гр. М.Н.Муравьев – заговорщик // Современник. 1913. Кн. 1. С. 305- 307). Впрочем, стремление уже декабристоведов принизить роль Муравьева в ранних декабристских организациях в виду его «неблаговидной» последующей биографии также впоследствии было подвергнуто критике: *Эйдельман Н. Я.* Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX в.) // История СССР. 1970. № 4.

15 Ср. также рассказ о трудностях в формировании немецкого легиона русской армии: *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908. С. 281.

16 Переписка А.С.Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 211.

17 *Оксман Ю.Г.* Агитационная песня «Царь наш — немец русский» // ЛН. Т. 59; *ВД*. V. С. 57, 117, 294—295 и др.

18 Цит. по: *Семевский*. С. 404.

19 Из писем и показаний декабристов / Под ред. А.К.Бороздина. М., 1906. С. 145—147 (далее — *Бороздин*).

20 *ВД*. XI. С. 395.

21 См.: Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н.Н.Муравьеву-Карскому. Т. 1; см., например, письма М.Н.Муравьева от 18 августа 1816 (С. 89), И.Г.Бурцова от 6 и 9 ноября 1816 (С. 95—96) и др.; антинемецкие настроения самого Н.Н.Муравьева в это время вполне сказались в его «Записках»; см., например: Русский архив. 1886. № 5. С. 451—452.

22 См. в статье И.С.Калантырской (Из эпистолярного наследства...С.33—34), также письмо Бурцова от 11 февраля 1818 и комм. к нему (там же. С. 126, 301); кроме того — *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 73.

23 *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 72—74.

24 Из эпистолярного наследства... С. 72.

25 См., в частности, в упоминавшейся статье Ю.Г.Оксмана (С. 72—73, 82).

26 См.: Былое. 1925. № 5. С. 48.

27 «Я старался открыть самые сокровенные корни этого ядовитого дерева, коего ветви разрослись так обширно; но мне не удалось это. <...> самый зародыш, из которого возник заговор, не могли открыть, ибо на события в Петербурге и судорожные движения близ Киева и во 2-й армии можно смотреть только как на попытку главных бунтовщиков: открыть общий дух в народе и по результатам этих опытов рассчитать, настало ли удобное время к приведению в действие всех пружин этой адской машины.» (Фельдмаршал гр. Дибич-Забалканский в его воспоминаниях, записанных в 1830 г. бароном Тизенгаузеном // РС. 1891. Т. LXX. С. 54—55); ср. также упоминания Дибича об интригах против него и апологию остзейского дворянства (там же. С. 63, 69). По предположению Ю.Г.Оксмана, эти же мотивы сказались и в сохранившейся на многие годы крайней подозрительности Бенкендорфа к А.А.Закревскому, которого также причисляли к «антинемецкой партии» (ЛН. Т. 59. С. 82).

28 Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина / Ред. и коммент. С.Я.Штрайха. М., 1951. С. 11.

29 *ВД*. III. С. 49.

30 *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813-1848) / Изд. подготовила В.С.Нечаева. М., 1963. С. 155.

31 *Бороздин*. С. 11.

32 Там же. С. 30, 32.

33 *ВД*. I. С. 22; ВД. III. С. 17.

34 *ВД*. XVII. С. 32.

35 Из эпистолярного наследства... С. 119.

36 Цит. по: *Семевский*. С. 380—381.

37 *Пальм И.-Ф.* Германия в глубоком унижении своем / Пер. с нем. С присовокуплением описания нещастной судьбы Пальма... СПб., 1806; изд. 2-е, испр. СПб., 1807.

38 См.: Попытка к борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати / Сообщ. *НД*. // РС. 1913. № 3. С. 437—443.

39 *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.;Л., 1930. С. 12, 241.

40 О Шредере и его изданиях см.: Русский биографический словарь. Т. 23; *Данилевский Р.Ю.* Немецкие журналы Петербурга в 1770—1810-х гг. (Характеристика литературных позиций) // Русские источники для истории зарубежных литератур. Сб. исслед. и материалов. Л., 1980. Ср. также запись в «Дневнике» Жи-

харева в мае 1807 г. об ожидаемом появлении журнала (*Жихарев С.П.* Записки современника. М.;Л., 1955. С. 319).

41 Гений времен. СПб. 1807. № 1. С. 3. См. также его сочинение «Политические рассуждения о происшествиях 1806-го года» (СПб., 1807), в переводе опять-таки Греча.

42 Славянские народы (Из Гердеровых идей) // Гений времен. 1807. № 47 (9 сентября). С. 189–191.

43 Ср.: *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 281–286 и другие более поздние работы.

44 *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 300–306. О пребывании Арндта в России см.: *Wiegand G.* Zum deutschen Russlandinteresse im 19.Jahrhundert. E.M.Arndt und Varnhagen von Ense. Stuttgart, 1967. Интересно, что параллельно «Сыну Отечества» Шредер издает в Петербурге немецкоязычный патриотический журнал «Der Patriot, eine historisch-politische Zeitschrift». См.: *Данилевский Р.Ю.* Указ. соч. С. 93–94.

45 *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1892. Ч. IV. С. 80.

46 См.: Вестник Европы. 1812. Ч. 64. С. 306–309; Ч. 65. С. 304; см. также его статьи в «Сыне Отечества». О Меркеле и его деятельности во время войны см.: *Сивицкий С.Н.* Отечественная война в Прибалтийском крае. Рига, 1912.

47 О немецких брошюрах Арндта см.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 281. В 1813 г. в русском переводе вышла брошюра Т.Фабера «Бич Франции, или Коварная и вероломная система правления нынешнего повелителя французов». См. также: *Раупах Э.В.* Воззвание к германцам / Пер. с нем. Ф.Синельникова. СПб., 1813.

48 См.: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 281–286; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964 (по ук.); также: *Дружинина Е.И.* Русско-немецкие культурные связи и Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С.115–136.

49 *Норов А.С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов... СПб., 1834. Ч. 2. С. 9.

50 Цит. по: *Семевский.* С. 206.

51 *ВД.* XVII. С. 25, 28.

52 *Семевский.* С. 419–425; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 377–380, 553–558.

53 *ВД.* III. С. 16. Ср. также другие показания и воспоминания (например: *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.II. Сочинения. С. 182; *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 1915. Т.I. Воспоминания изгнанника. С. 69 и др.).

54 См. известное донесение полковника Дибича 1816 г. (РС. 1907. № 4. С. 219).

55 *ВД.* IX. С. 108; *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 280.

56 *Тургенев Н.И.* Указ. соч. С. 345.

57 *ВД.* I. С. 25.

58 *Семевский.* С. 381.

59 *Тургенев Н.И.* Указ. соч. С. 69.

60 *Басаргин Н.В.* Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск, 1988. С. 56.

61 *ВД.* III. С. 66; *ВД.* XIV. С. 288, *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. II. С. 179–185.

62 Декабрист Н.И.Тургенев. Письма к брату С.И.Тургеневу. М., 1936. С. 153, 155, 176, 384; также: *Ланда С.С.* «Дух революционных преобразований...» Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М., 1975. С. 48–56, 320–321.

63 *Семевский.* С. 294–295; также в доносе Грибовского (Русский архив. 1875. Кн. III. С. 427).

64 См.: *ВД.* XII. С. 261, 264. Русские издания книги: *Баррюель О.* Волтерианцы, или История о якобинцах... М., 1805–1806. Ч. 1–12; Записки о якобинцах. М., 1806–1809. Ч. 1–6.

65 *Тургенев Н.И.* Указ. соч. С. 127–128; Былое. 1925. № 5. С. 48–49; Записки... И.Д.Якушкина. С. 529; *Семевский.* С. 361, 427–428.

66 *Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 75; письма С.И. Тургенева свидетельствуют, что мысли Нибура и Шмальца вызывают у него по меньшей мере понимание (см.: *Ланда С.С.* Указ. соч. С. 56–57).

67 *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 74.

68 *ВД.* IX. С. 74.

69 Русский архив. 1870. № 9. Стб. 1637–1644.

70 *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 186.

71 Российский музеум. 1815. Ч. IV. С. 209.

72 *РС.* 1875. №7. С. 337.

73 *ВД.* II. С. 166.

74 Письма Н.М.Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 207 (Языковский архив; вып.1).

75 *ВД.* II. С. 192.

76 *ВД.* VII. С. 121–122, 148–149, 213, 264–267 и др. Русификаторская программа Пестеля, подразумевавшая «декретное», законодательное решение национальной проблемы, была не так давно убедительно сопоставлена с программой якобинцев; см.: *Парсамов В.С.* П.И.Пестель и якобинская диктатура // Тезисы докладов научн. конференции «Великая французская революция и пути русского освободительного движения». 15–17 декабря 1989 г. Тарту, 1989. С. 34–38.

77 См.: *Круглый А.* П.И.Пестель по письмам его родителей // Красный архив. 1926. Т. XVI. С. 183–186; также: Бумаги И.Б.Пестеля // Русский архив. 1875. Кн.I. С. 422.

78 *Лыжин Н.* Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы // Летописи русской литературы и древностей / Изд. Н.Тихонравова. 1859. Т.I. С. 69. О Боке и его взглядах см.: *Предтеченский А.В.* Современник декабристов – Т.Г.Бок. Таллин, 1953; и его же заметку и публикацию в изд.: Декабристы и их время: Материалы и сообщения. М.;Л., 1951.

79 *Лыжин Н.* Указ. соч. С. 75.

80 Декабристы и их время. С. 193.

81 *Тургенев Н.И.* Указ. соч. С. 21.

82 *Волконский С.* Записки. С. 307. Гораздо более осведомленный Н.Тургенев сообщает, что предложения Штейна сводились как раз к образованию «Провинциальных Штатов» и включению Польши в состав России на таком основании (*Тургенев Н.И.* Указ. соч. С. 44–45).

83 *ВД.* V. С. 125–126.

84 ОР РГБ. Ф.231/I. К.33. №1. Л. 66, 67.

85 *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1889. Т.VII. С. XCII.

86 ОР РГБ. Ф.231/I. К.30. №1. Л. 3, 15, 19 об, 73–73 об, 77 об, 184 об.

Настоящая работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Центральным Европейским Университетом.